

Цзян Нань ухитрился прожить двадцать три года, оставаясь круглым синглом — он даже за руку ни одну девушку ни разу не держал. Ну, если быть точным, в пятнадцать лет на него положила глаз одна покойница. Новоявленная невеста из потустороннего мира костями ложилась, лишь бы затащить его под венец. Кончилось всё тем, что парень просто признал настырное привидение своей названной матерью.

Вот и вся любовная история за четверть века. Постоянно копаясь в делах потусторонних и общаясь исключительно с нечистью, Цзян Нань так и не завёл друзей. Но кто бы мог подумать, что после смерти, оказавшись в Подземном царстве, он внезапно обзаведётся... мужем?

Тут даже у самого невозмутимого человека сдали бы нервы.

Глубоко вздохнув, Цзян Нань во все глаза уставился на Му Хуайси:

— Ты ведь меня с кем-то путаешь, верно?

Му Хуайси внимательно следил за каждым его движением. Заметив замешательство на лице юноши, он слегка помрачнел, поднялся и шагнул навстречу. Цзян Нань инстинктивно попытался отодвинуться, но, зажатый в углу дивана, лишь сильнее вжался в подушки — отступить было некуда.

Заметив его испуг, Му Хуайси послушно замер в шаге от дивана. Он молча приподнял левую руку и скользнул пальцами по рукаву, обнажая запястье. Цзян Нань тут же уставился на его кожу: там темнел знакомый рисунок.

Он опустил взгляд на собственное правое предплечье. Изящный чёрный кинжал, вытатуированный на внутренней стороне его запястья, в точности повторял узор на руке Му Хуайси.

Цзян Нань опешил. Он долго не мог отвести глаз от незнакомца, а затем тихо, едва слышно пробормотал:

— Когда мне было четыре года, на нас напал свирепый призрак. Родители погибли, защищая меня... Тварь уже собиралась сожрать и меня тоже, но вдруг в панике сбежала. А на моём запястье с тех пор остался этот рисунок.

Он прижал указательный палец к коже. Чернильно-чёрный туман мгновенно соткался из воздуха, и в ладонь скользнул тяжёлый матовый клинок. От его лезвия веяло могильным холодом, а на рукояти тускло поблёскивали два выгравированных иероглифа: «Безлезвийный».

Воздух в комнате тут же заледенел. Оружие в руке Цзян Наня задрожало так неистово, словно учуяло самую желанную добычу в своей жизни — куда сильнее, чем во время охоты на обычных злых духов.

Му Хуайси только открыл рот, чтобы что-то сказать, как комнату оглушил истощный плач.

Оба вздрогнули и обернулись на звук. На полу, распластавшись и заливаясь слезами, был маленький слуга-призрак Ли Дай. Его личико побелело пуще прежнего, а полупрозрачное тельце начало стремительно таять, готовое вот-вот окончательно развеяться. Му Хуайси быстро шагнул к нему и опустил ладонь на детскую макушку. Лишь тогда очертания мальчишки снова обрели плотность. Хныча и дрожа всем телом, Ли Дай забился за ноги хозяина и оттуда испуганно уставился на Цзян Наня заплаканными глазами.

Цзян Нань и подумать не мог, что аура «Безлезвийного» едва не погубит несчастного малыша. Смутившись, он поспешно развеял оружие, и чёрная сталь снова растворилась в воздухе.

— Перестань выть, — негромко приказал Му Хуайси.

Но Ли Дай от страха лишь заголосил пуще прежнего. Тогда Му Хуайси без лишних церемоний подхватил его за шкурку, ловким движением скатал призрака в упругий колобок, приоткрыл дверь и бесстрастно швырнул его в коридор.

До ушей Цзян Наня донеслось гулкое «бум-бум-бум» — судя по всему, колобок покатился вниз по ступеням. Вскоре всё стихло.

Цзян Нань только рот приоткрыл от изумления.

— С ним... точно всё в порядке? — нерешительно уточнил он.

— Не беспокойся, он крепкий, — отозвался Му Хуайси, возвращаясь на место.

Помня о том, как гость расспрашивал про его отношения с этим призрачным мальцом, и не желая никаких недомолвок, он сухо добавил:

— Он погиб, когда ему едва исполнилось пять. Я нашёл его на обочине дороги и забрал к себе, чтобы не пропал. Теперь вот прислуживает на входе.

Нелепая сцена помогла Цзян Наню немного расслабиться. Ревизовав свои сумбурные мысли, он решил пока отложить щекотливый вопрос о скоропалительном замужестве и поинтересовался:

— А разве призраки не должны отправляться на перерождение?

«Такой кроха прислуживает в Подземном царстве... Это же чистой воды эксплуатация детского труда, разве нет?»

— В наши дни в Подземном царстве для перерождения человеком нужна официальная квота, — терпеливо разъяснил Му Хуайси, понимая, что гость ничего не смыслит в местных порядках. — Без неё тебя распределят в случайном порядке, и с огромной вероятностью ты очнёшься в теле какого-нибудь бессловесного скота.

Ошарашенный такими бюрократическими сложностями Подземного царства, Цзян Нань озвучил главный вопрос:

— И как же раздобыть эту квоту?

«Всё-таки человеком быть куда приятнее, чем бесплотной тенью. Если выпадет шанс вернуться в мир живых, упускать его глупо».

— Её можно обменять на заслуги. Стоит такое удовольствие ровно сто тысяч баллов. У тебя сейчас чуть больше двадцати тысяч, так что если планируешь снова родиться человеком, придётся поднакопить.

Цзян Нань невольно замер, чувствуя себя абсолютно незащищённым и «голым» под этим пронизывающим взглядом.

— А откуда тебе известны мои показатели?

Му Хуайси изящно повёл ладонью, и прямо из воздуха в его пальцы скользнул увесистый старинный фолиант. На кожаном переплёте тиснением горели три иероглифа: «Книга Заслуг».

— Подсчёт и распределение добродетелей — моя прямая обязанность, — пояснил он.

Юноша растерянно моргнул и после затянувшейся паузы лишь выдавил:

— Вот оно как...

Му Хуайси протянул фолиант вперёд:

— Хочешь взглянуть?

«Он так спокойно показывает мне столь важный государственный документ?»

Цзян Нань пристально вгляделся в лицо собеседника. Черты его лица казались безупречными, словно высеченными из драгоценного нефрита искусным мастером: благородный разлёт бровей, идеально очерченный разрез глаз, тонкая переносица и невероятно густые ресницы. Его бездонные, антрацитово-чёрные зрачки словно затягивали в себя, и если смотреть в них

слишком долго, начинала кружиться голова.

Поддавшись какому-то странному порыву, Цзян Нань всё же принял увесистую книгу и наугад перелистнул несколько плотных страниц. На них аккуратным почерком были зафиксированы все праведные и греховные поступки душ при жизни: за что полагалась награда, а за что — нещадный вычет баллов.

Бегло изучив записи, он понял, что большинство новоприбывших душ оказывались в Подземном царстве с сущими крохами за пазухой. Тем не менее у них оставался шанс исправить положение: в Подземном царстве можно было устроиться на работу и постепенно копить баллы. Собрав заветную сотню тысяч, призраки получали право выкупить заветное место в реестре.

Эту квоту разрешалось потратить либо на перерождение в мире живых, либо на получение престижной и доходной должности в самом Подземном царстве.

Далеко не каждый обитатель Подземного царства мечтал вновь родиться человеком. Местные порядки во многом напоминали привычное земное общество, и те, кто устроился здесь с комфортом, вовсе не спешили испытывать судьбу. Ведь угадать, в какой семье и в каких условиях ты родишься в следующий раз, было решительно невозможно.

Разумеется, при таком раскладе ценность квоты взлетала до небес.

Цзян Наню до смерти захотелось узнать, какими такими праведными трудами он сам умудрился заслужить целых двадцать тысяч баллов, но фолиант был слишком толстым. Листать его вручную можно было до скончания веков, поэтому он решил спросить напрямую:

— Слушай, а где здесь записаны мои деяния?

— Твоего имени в этой книге нет, — мягко ответил Му Хуайси.

— Почему? — искренне удивился парень.

Му Хуайси лишь загадочно промолчал.

У Цзян Наня было одно неоспоримое достоинство — он никогда не отличался излишним любопытством. Раз уж собеседник не желает откровенничать, настаивать он не станет, пусть даже дело касается его самого.

— Ладно, забудь, это я так, к слову, — примирительно улыбнулся он и вернул «Книгу Заслуг» владельцу.

Му Хуайси, который уже набрал в грудь воздуха для туманного объяснения, послушно осёкся и смолк.

— Малыш... — начал было Му Хуайси, но Цзян Нань испуганно выставил ладони вперёд, а его лицо исказила такая гримаса, словно он только что раскусил спелый лимон.

— Пожалуйста... Можно тебя попросить не называть меня так? Меня зовут Цзян Нань.

Му Хуайси молча уставился на него своими непроницаемыми чёрными глазами.

Цзян Нань смущённо заёрзал на диване.

«Какого чёрта я чувствую себя стервозной жёнущкой, которая только что устроила выволочку безропотному мужу?»

Передёрнув плечами от столь нелепой мысли, он поспешно перевёл разговор на более безопасную тему:

— Этот кинжал... «Безлезвийный». Ведь это ты оставил его мне тогда, верно?

Его голос прозвучал тихо, но твёрдо. Это был не вопрос, а констатация факта.

Му Хуайси едва заметно помедлил, а затем подтвердил догадку коротким кивком.

— Спасибо тебе, — Цзян Нань поднялся и склонился перед ним в глубоком, искреннем поклоне.

Молчаливое признание Му Хуайси значило лишь одно: девятнадцать лет назад именно он уберёг маленького испуганного мальчика от неминуемой гибели. Подаренный Безлезвийный бесчисленное количество раз спасал Цзян Наня от когтей кровожадных тварей. Не будь у него этого оружия, он едва ли сумел бы дожить до своих двадцати трёх.

В голове крутился рой вопросов: почему таинственный спаситель скрылся девятнадцать лет назад, не раскрыв себя? Зачем отдал столь могущественный артефакт какому-то зарывавшему ребёнку? Но сейчас, когда земная жизнь подошла к концу, все эти «почему» потеряли всякий практический смысл. Важно было лишь то, что мужчина спас его. Единственное, что Цзян Нань мог сделать в ответ, — выразить свою чистую, неподдельную признательность.

«Если здесь, в Подземном царстве, ему когда-нибудь будет грозить опасность, я костями лягу, но защищу его. Пусть даже он в сотни раз сильнее меня».

Взгляд Му Хуайси потемнел, наполнившись необъяснимым теплом.

— Мы связаны судьбой, — негромко проговорил он, скользя глазами по лицу юноши. — Тебе не за что благодарить собственного мужа.

Цзян Нань поперхнулся собственным дыханием и зашёлся в приступе судорожного кашля. Му Хуайси порывисто качнулся вперёд, явно намереваясь похлопать бедолагу по спине, но в последний момент заставил себя остановиться и замер на месте, плотно сжав кулаки.

Юноша, увлечённый попытками не задохнуться, не заметил этого душевного порыва. С трудом восстановив дыхание, он обречённо выдохнул:

— Послушай... Ты можешь объяснить, откуда вообще взялся этот... брак?

«Пресветлые небеса, я ведь обычный парень! Каким образом у меня появился муж? Да ещё и тот самый спаситель из моего детства?!»

Вместо ответа Му Хуайси подошёл к массивному резному комоду, достал из ящика изящную шкатулку из тёмного дерева и протянул её Цзян Наню.

На дне шкатулки лежал пожелтевший лист плотной бумаги. Цзян Нань скользнул по нему взглядом, и его левая бровь нервно дёрнулась. Это было официальное брачное свидетельство. В графе новобрачных красовались два имени: его собственное и Му Хуайси.

Цзян Нань вгляделся в изящные каллиграфические росчерки. Строчка за строчкой, завиток за завитком... В груди шевельнулось странное дежавю. И почерк, и формулировки казались ему до безумия знакомыми.

И тут его словно громом поразило. Глаза парня расширились от шока, а челюсть едва не встретила с полом.

— Погодите-ка... — пробормотал он, задыхаясь от изумления. — Это же... Это же то самое брачное свидетельство, которое я собственноручно составил пять лет назад для обряда посмертного брака!

В памяти мгновенно всплыли детали того дела. Сын одного состоятельного семейства угасал на глазах. Родители бежали всех именитых заклинателей в округе, но те лишь разводили руками. В конце концов отчаявшиеся люди как-то вышли на Цзян Наня. Честно говоря, братья за это не хотелось, но стоило ему попробовать фирменного гуся в специях, которого готовила хозяйка дома, как сердце юного мастера растаяло, и он согласился помочь.

Парень погибал оттого, что лишился половины своей души. Чтобы удержать ускользающую жизненную силу в теле, требовалось провести древний ритуал — восполнить недостающую

часть чужой духовной энергией через священный союз. Разумеется, никто из живых девушек не согласился бы разделить подобную участь, а вот усопшая невеста подходила идеально.

Цзян Нань отыскал душу недавно скончавшейся сироты. При жизни бедняжка натерпелась лишений, а после кончины осталась неприкаянно скитаться по земле. Ему стало искренне жаль несчастную, и посмертный брак с угасающим юношей виделся благом для обоих: парень выживет, а неупокоенный дух обретёт семью, заботу и вечный покой.

Ритуал прошёл без сучка и задоринки. Довольный проделанной работой Цзян Нань ушёл, бережно прижимая к груди узелок с парой ароматных копчёных гусей.

И вот теперь, спустя годы, он держал в руках тот самый документ... только имена новобрачных в нём таинственным образом изменились. Неудивительно, что у парня ум зашёл за разум.

— Но как такое вообще возможно? — прошептал он, окончательно сбитый с толку столь диким поворотом судьбы.

Му Хуайси лишь покачал головой, и на его безупречном лице отразилось искреннее недоумение:

— Я и сам до конца не понимаю. В один прекрасный день эта бумага буквально сошла ко мне с небес. И в ней уже значились наши имена.

Он мягко коснулся свободного края пергамента, и в ту же секунду комната озарилась потусторонним сиянием.

Иероглифы на бумаге дрогнули, зашевелились, точно живые черные змейки, и начали отрываться от листа. Они поднялись в воздух, мерцая тусклым багровым светом, и выстроились в ровную светящуюся строку: «Му Хуайси и Цзян Нань сочетались законным браком в час Овцы, тринадцатого дня седьмого месяца года Вусу. Да разделят они жизнь и смерть, любя и оберегая друг друга вовеки. Нарушивший сию клятву да будет проклят и обречён на вечное скитание без шанса на возрождение».

Цзян Нань застыл с открытым ртом.

Но магия брачного обета на этом не иссякла. Пустой пергамент мгновенно истлел, обратившись в невесомый пепел, а невидимый мощный порыв ветра толкнул мужчин друг к другу. Не успев даже охнуть, Цзян Нань полетел вперёд и рухнул прямо на широкую грудь Му Хуайси. Тот чисто рефлекторно перехватил его поперёк талии, крепко прижимая к себе.

Светящаяся надпись в воздухе распалась на мириады искр, соткав два крошечных алых сердца. Описав в воздухе изящную дугу, эти искры безболезненно скользнули сквозь одежду прямо в их груди, бесследно растворившись там, где бились живые сердца.

«... Что это за спецэффекты из дешёвой мыльной оперы? Этот свиток точно не был замаскированным демоном-соблазнителем?»

«Такое чувство, что бумага умудрилась обрести разум и теперь откровенно надо мной издевается».

— Му... — выдохнул он в чужое плечо, совершенно потерявшись и не понимая, как теперь называть этого человека.

Вся ситуация казалась верхом абсурда. Цзян Нань всего лишь пытался помочь незнакомому умирающему парню, а в итоге умудрился затянуть в брачные узы самого себя! Му Хуайси, ни сном ни духом не ведавший о чужих ритуалах, внезапно оказался окольцован. Контракт, скреплённый потусторонней магией, имел силу куда более нерушимую, чем любой земной документ. С этого момента они действительно официально считались супругами. Логично, что Му Хуайси без тени сомнения называл себя его мужем.

«И надо же было такому случиться, что мой новоиспечённый "супруг" — это ещё и тот самый благодетель, спасший мне жизнь девятнадцать лет назад! Как ни посмотри, я крупно выиграл в этой лотерее, а вот бедный Му Хуайси без вины виноватый оказался связан узами брака».

Му Хуайси, словно угадав бурю эмоций, бушевавшую в его голове, негромко произнёс:

— Можешь звать меня просто по имени — Хуайси.

Он заметно замялся на полуслове, так и не решившись настоять на законном, но слишком уж непривычном для парня «муже».

—... Хуайси, ты не мог бы меня отпустить? — тихо попросил Цзян Нань.

Пальцы Му Хуайси, лежавшие на его талии, слегка дрогнули, но он тут же послушно разомкнул объятия.

Обретя долгожданную свободу, Цзян Нань поспешно выпрямился. На всякий случай он деликатно отполз по дивану подальше, сочтя расстояние в два метра приемлемой зоной личной безопасности.

Му Хуайси проследил за его маневром, и его красивые губы разочарованно сжались в тонкую линию.

— Прости... — выдохнул Цзян Нань, признавая поражение перед попыткой назвать его ласково по имени. — Мне правда неловко. Я понятия не имею, как ритуал мог так дико исказиться.

Он ведь действительно все эти годы жил спокойной жизнью, даже не подозревая о существовании магического союза. А Му Хуайси пришлось в одночасье принять этот навязанный брак. Поставь Цзян Нань себя на его место — он бы из-под земли достал шутника, сотворившего такое чудо.

Вот только для обитателей Подземного царства выход в мир живых считался тягчайшим преступлением. Нарушителей нещадно карали, отправляя по их душу палачей из Зала Суда. Те каратели разительно отличались от обычных проводников — жестокие, беспощадные, они веками топили свои клинки в крови самых свирепых мятежных духов.

Цзян Нань хорошо помнил того настырного призрака, который когда-то преследовал его самого. Справиться с ним своими силами юноша бы не смог, но благодаря «Безлезвийному» успешно держал оборону, пока не подоспели безжалостные ищейки Зала Суда и не утащили безумца в бездну.

Прибудь Му Хуайси в мир живых сразу после получения свитка, они, возможно, отыскиали бы способ расторгнуть этот нелепый контракт. Но закон Подземного царства запер мужчину в Подземном царстве, а сам Цзян Нань оставался в неведении. За долгие пять лет древние узы окончательно окрепли и пустили корни. Теперь разорвать их означало призвать на свои головы страшное проклятие: лишиться права на перерождение и навеки сгинуть в забвении.

— Тебе не нужно извиняться предо мной, — тихо, но твёрдо возразил Му Хуайси, вновь ловя его ускользающий взгляд. — Отныне мы — одна семья.

В душе Цзян Наня воцарился полнейший сумбур. Было очевидно, что таинственная бумага наложила на Му Хуайси чувство глубокого долга и ответственности. Но чем мягче и заботливее вёл себя этот загадочный мужчина, тем сильнее Цзян Наня накрывало волной неловкости.

Спасительный, на редкость громкий и раскатистый урчащий звук внезапно разрезал гнетущую тишину. Цзян Нань ещё никогда в жизни не испытывал такой нежной благодарности к собственному взбунтовавшемуся желудку!

Неловко взъерошив волосы на затылке, он кашлянул и постарался придать голосу максимально будничным тоном:

— Слушай... А в Подземном царстве вообще можно где-нибудь перекусить?

Спустя четверть часа Цзян Нань уныло сидел за массивным обеденным столом. С глухим стуком перед ним опустилась глубокая деревянная лохань, размерами превосходившая две его головы, сложенные вместе. Парень молча и безмятежно воззрился на этот кулинарный шедевр.

<http://bllate.org/book/19051/1939338>